

Лауреат Ленинской премии журналист Василий Песков берет интервью у маршала Жукова:

— Григорий Константинович, сейчас, пожалуй, самый подходящий момент передать вам дружеский подарок моих товарищей, журналистов «Комсомольской правды». Это пластинки. В одной коробке пластинки с голосами птиц Подмосковья, в другой — песни времен войны. Не могли бы вы и этому случаю назвать несколько своих любимых песен?

ЖУКОВ: Мои вкусы, я думаю, не расходятся со вкусами многих людей: «Вставай, страна огромная...», «Дороги», «Соловьи». Это бессмертные песни. Потому что в них отразилась большая душа народа.

Автор слов последней песни — Алексей Иванович Фатьянов. С ним нас связывала давняя тесная дружба. В 1949 году я поступил работать в газету «Комсомольская правда». Примерно в сентябре позвонил земляк, писатель Сергей Никитин: «Весь день в редакции будешь? Мы приедем». С кем, не сказал. Думал, кто-нибудь из друзей-владимирцев. И вот часу в пятом раздался робкий стук в дверь, и на пороге кабинета появился улыбающийся Сергей Константинович, а с ним — высокий, сажень в плечах, русоголовый незнакомец.

— Будем знакомы, Алексей Фатьянов, — подал он руку.

Так вот, оказывается, какой ты, Алексей Фатьянов, чьи песни поет вся страна. Заочно с тобой я уже давно знаком. 1943 год. Нашей роте предстояло совершить длительные марш-броски. С полной солдатской выкладкой форсировали реку, взбирались на крутые сопки, продирались сквозь нетронутую тайгу. Бойцы от усталости валились с ног. Показалась огромная поляна, заросшая густой, в рост человека травой.

— Привал! — донеслась команда.

Кто где был, так кулем и свалились на землю. Слипались глаза, чертовски хотелось спать... И вдруг на другом конце поляны чистый, звонкий голос запел задорную песню:

На солнечной поляночке,

Дугою выгнув бровь,

Парнишка на тальяночке

Играет про любовь...

Песню подхватили сразу несколько голосов:

Играй, играй, рассказывай,

Тальяночка сама,

О том, как черноглазая

Свела с ума...

Юмий ФАЛАТОВ

Любимая песня МАРШАЛА

Усталость как рукой сняло. Мелодия и слова завладели солдатскими сердцами. Вспомнились дом, плакучие ивы над сонным прудом, луна в небе, в саду трель соловья. В центре села под гармонь выбивает частую дробь та, что милее всех на свете. Вскинет гордо голову, поведет руками, точно птица крылом, притопнет в середине круга ногой и споет частушку про дроблю, который бродит у ворот, спать девчонке не дает.

Слова песни принадлежали Алексею Фатьянову. Тогда я не знал, что он мой земляк-владимирец, родился спустя два года после залпа «Авроры» по Зимнему дворцу в небольшом селе Малое Петрино, что под Вязниками.

И вот теперь он, большой и красивый, сидит передо мной и неловко перебирает пальцами. Узнав, что я родился в Ополье, между Суздалем и Юрьев-Польским, негромко роняет: «Прекрасные хлебные места. А на моей родине леса, сады вишневые». И предложил: «Давайте махнем во Владимир». В субботу позвонил по телефону: «Не раздумал ехать на родину?»

У Курского вокзала уговорили таксиста, и серая «Победа» начала петлять по улицам столицы, пока не вырвалась на широкую ленту шоссе Энтузиастов.

Во Владимире почти каждый встречный здоровался с Алексеем Ивановичем, а более близкие подолгу трясали руку. Чувствовалось, что здесь его знают и любят, рады его приезду. И не удивительно: ведь Фатьянов в то время был уже знаменит, его песни «На солнечной поляночке», «Соловьи», «Давно мы дома не были», «Перелетные птицы», «Три года ты мне снилась», «Где же вы теперь, друзья однополчане?», «Поет гармонь за Вологодой», «На крыльчике твоём», «Мы люди большого полета», «В городском саду», «Хвастать, милая, не стану» и десятки других пели в разных уголках нашей необъятной страны. На слова Фатьянова писали музыку Василий Соловьев-Седой, Борис Мокроусов, Никита Богословский, Юрий Милютин, Анатолий Новиков и многие другие.

«Соловьи» — любимая песня маршала Жукова. Я несколько раз пытался вывести у Фатьянова, как была она написана, но он отмалчивался. Вообще избегал разговора о своих стихах, никогда не делился творческими планами. Только однажды, когда я, вернувшись из Вьетнама, пришел к нему на квартиру и подарил мундштук из слоновой кости, он нехотя признался: «Вторую неделю ищу строчку и никак не могу найти. Чувствую, что где-то близко летает, а в руки не дается». Он тогда сочинял слова песни для кинофильма «Весна на Заречной улице».

Как родились «Соловьи», я узнал от композитора Василия Павловича Соловьева-Седого. В конце войны Алексей Иванович попал в Действующую армию. Нашей войска в то время освобождала Венгрию. Фатьянов стал командиром танка. Его машина первой ворвалась в город Секешфехервар. За этот подвиг ему предоставили творческий отпуск. Поэт приехал в столицу, поселился в гостинице «Москва». Здесь встретился с давним своим другом, композитором Соловьевым-Седым, прибывшим из Ленинграда. Алексей Иванович в новенькой гимнастерке, с боевыми наградами на груди. Он привез тексты песен, написанных на фронте. Среди них «Соловьи» и «Ничего не говорила». Как утверждает композитор, стихи сами просились на музыку, и он в тот же день написал ноты. Тут же Соловьев-Седой исполнил песню «Соловьи» соседям по гостинице, аккомпанируя себе на фортепиано. Песня понравилась, ее тут же подхватили. Но когда стали исполнять по радио, начались трения. Требовали изменить последнюю строчку припева: «Пусть солдаты немного поспят...» Возражали: «Война, а мы солдат спать призываем». Фатьянов не сдался, не отступил.

Я впервые услышал «Соловьев», когда после демобилизации возвращался с Дальнего Востока. Под Иркутском на полустанке лет десяти худенькая девочка за руку ввела в вагон человека в потрепанной шинели. Он был в цветных очках, лицо опалено войной, под мышкой держал гармонь.

Инвалид прошел в середину вагона, сел на край скамьи и растянул меха тальянки. Мелодия захватила всех. Смолкли разговоры. А бывший солдат пел:

Пришла и к нам на фронт весна,

Солдатам стало не до сна —

Не потому, что пушки бьют,

А потому, что вновь поют,

Забыв, что здесь идут бои,

Поют шальные соловьи.

После второго куплета припев «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят» пел уже весь вагон. Фронтоника не отпускали, заставляли петь вновь и вновь.

После войны в 1956 году группа писателей приехала на встречу с читателями в подмосковный колхоз «Серп и молот». Фатьянов читал свои стихи, спел, а зал подхватил: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?». Алексей Иванович, высокий, красивый, стоял на сцене и дирижировал.

В памяти оживает и такая картина. В деревню Суай Зут, спрятавшуюся в джунглях Северного Вьетнама, я приехал вечером. С трех сторон — угрюмые горы, а рядом — берег шумливой речки. В окнах домов светились огни, а под бамбуковым навесом при свете копилки играли в настольный теннис.

Председатель административного комитета, молодой парень с большим открытым лбом, узкими раскосыми глазами, был в своем кабинете.

— Нгиен, — представился он. — Присаживайтесь, дунти (товарищи)!

Нгиен выкрутил фитиль лампы. Ярче вспыхнул свет. На столе появился термос, чашки. Разливая чай, Нгиен произнес несколько застенчиво:

— Наша деревня ничем не знаменита. Охотимся, выращиваем рис...

Рассказ прервала песня, которая донеслась из соседнего дома.

— Молодежь к празднику готовится, — усмехнулся председатель. — Хотите послушать?

Минут через двадцать мы были в доме, где собрались юноши и девушки. Наш приход прервал песню. Все точно по команде встали. Председатель административного комитета по знаку продолжать репетицию. Песня ожила вновь. Пели «Гимн демократической молодежи», «Катюшу», «Подмосковные вечера».

Сделали небольшой перерыв. Потом дирижер, невысокий парень с опаленным порохом лицом, взмахнул бамбуковой палочкой, и полилась мелодия песни «Соловьи». Фатьяновские «Соловьи» на земле братского Вьетнама! У меня перехватило горло от волнения, на глаза навернулись слезы. Далеко, далеко залетели вы, «Соловьи», от своей родины! Прав маршал Жуков: его вкусы не расходятся со вкусами многих людей.